

МАЙ
2024

Электронный журнал

БУЗОВИК

ЛИТЕРАТУРА-КРИТИКА-ЮМОР

В НОМЕРЕ

АЛЬФ. СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ ТАННЕРОВ.
ДМИТРИЙ АНИКИН. ПАПЕССА ИОАННА.
ИГОРЬ ПЕТРАКОВ, РОМАН без КОКАИНА.

Омский литературный журнал
БУЗОВИК

Литература - Искусство - Критика

Основан 19 мая 1995 года

№3 (47 - май) 2024

Главный редактор Игорь Петраков

Почетная редколлегия

Ольга Бердышева, Марина Савелова, Олег Усаков, Роман Шарашев

(с) Бузовик, 2024

Электронная версия

При перепечатке необходимо упоминание "Бузовика". При использовании материалов в интернете - активная ссылка на сайт lik.bitrix24.site или buzovik.ucoz.org

Все авторские права соблюдаются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и правильность приводимых цитат несет автор.

Рукописи и рисунки принимаются в электронном виде по почте - rettrak-igor@yandex.ru.

Граждане! Становитесь авторами "Бузовика"!

К публикации принимаются тексты и рисунки, не содержащие ненормативную лексику, порнографию, призывы к экстремизму или межнациональной розни.

Орфография авторов сохранена.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Дмитрий Аникин. Папесса Иоанна. Начало..... 4
Андрей Козырев. Стихи из книги «Сад камней»..... 14
Валерий Румянцев. Избранные басни. Часть 2..... 20

Проза

- Игорь Петраков. Роман без кокаина. Окончание... 25

Юмор

- Юрий Тубольцев. Что бы ты ни делал — ты ищешь любовь.
Абсурдософские афоризмы..... 44
Альф. Семейные истории Таннеров..... 48

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Аникин.
ПАПЕССА ИОАННА

Начало.

1

А любовь моя посильнее будет,
чем как добры люди привыкли; будет
похитрей любовь, чем мужская ваша
всякая политика, горячее
самой веры божьей. Все расстоянья
что моей любви? Не заметит – шмыгнет
за тобою, опережая шаг твой.

Ты – на вольный воздух из душных залов,
ты – учиться в город за дальним морем,
ты – престолу римскому поклониться.
Я не за тобой – впереди, как светоч!

2

Город, непохожий на другие,
словно время тут совсем не время,
а другое что-то; золотые
тянутся часы своими всеми

вескими минутами; Афины,
будто при Сократе и Перикле, –

тянет философствовать мужчину,
как умеют здесь и как привыкли.

Я же будто вижу, осязаю
все эти идеи, архетипы,
на лету я ветрено хватаю
и смеюсь, где спорите до хрипа.

3

Всякая философия понятна влюбленному,
понятней в тысячу раз, чем невлюбленному.
Я как никто знаю премудрости афинские –
ночью я тебе покажу премудрости афинские.

Беглою мыслью кружу,
хлопочу о тебе,
на честном диспуте возражу
отдельной твоей судьбе.

Аристотель, учитель, в свой добрый час
подчинился любви, и тогда ему
силлогизмы давались любые и разума свет
в миг вожденный пронизывал тьму!

4

Страшна любовь, преследует любовь –
за море, так за море. Что граница
их похоти?

Но думал: есть пространство
не мыслимое женщинам – идей
ристалище.

И там любви земной
небесная (Урания) меня,
поспорив, уступила...

И когда
Аристофан о поле рассуждал,

он как бы видел нас – две половинки
единого благого андрогина!

5

Нам бы таких учеников!
Умна чертовка,
ишь как ловко
меняет порядок слов,
чет меняет на нечет,
остановить нечем
ее анализ –
вы обознались,
боги, давая ей плоть такую!
Куда подевав мужскую?!

6

Мы слишком долго вместе, нас ничто,
кроме любви, не связывает; быта
нет никакого, общих интересов,
привычек даже, всяких там детей...

Мы слишком долго вместе, а никак
мы не должны быть вместе по людскому,
по Божьему закону: еретик
и католичка, дева и монашек.

Мы слишком долго вместе, и любовь
воздействует. О, непреодолима!
Как Ахиллес за беглой черепахой,
так мы друг к другу, за любовью так.

7

Перетекаем приметами друг на друга:
то мускул под кожей моей упруго
напрягается, то подо лбом другие

мысли – отчетливей мысли злые,
то, как Ахилл, среди рядов торговых
ищу оружейников – и с обновой.

Перетекаем приметам друг на друга:
кожа моя мягче, и груди туго
под одеждой. Сила Господня с нами!
Измеряю время собой – кровями;
мысли мои спутаны – ты распутай,
власти твоей хочется почему-то.

8

Старая идея наших философов –
восстановить,
воссоединить изначальное,
то, что Бог написал и создал
в черновиках нынешнего мира.
Вернуть себе всю мудрость мироздания.
Вобрать в себя все воспоминания.

Разделенное плачет по самому себе,
противится разделенное необщей судьбе –
оттого тяготение мучит нас,
оттого разлученный наш проклят час.
Краток всполох обоюдного огня –
мы живем поврозь, память о нем храня.

9

Что мы читали в старых фолиантах,
учили буквы их, недалний смысл
нам брезжил?

Что молитвы, заклинанья

богам несильным и богам пропавшим,
исчезнувшим под христианским солнцем?
Что снадобья? И это изучали,
готовили, глотали.

Ритуалы?

И вспомнить стыдно...

Опыты такие
кем только не поставлены!

Как скучно
пожертвовать душой, двумя на этом
исхоженном, измученном пути...

И вот однажды, утром так прекрасным,
очнулась и очнулся – плоть едина,
а дух уже давно, душа давно...

10

Все важное совершается просто так и неизвестно почему –
что надумал исследовать, какую такую тьму
ближнюю на ощупь? Так получилось,
что Бог сделал нам милость или немилость.

Свершилось, чего мы и ждать не могли,
когда запросто так легли,
как ложились каждую ночь, – поУтру
никто из нас не проснулся почему-то.

А что-то новое, что поднялось с постели,
начинает осознавать себя еле-еле,
подбирать вот эти слова, такие
пока неуклюжие, каждому из нас чужие.

11

Уж такая радость, дружок мой, радость:

можно и не думать о расставанье,
можно и на людях, и в одиночной
камере будет.

Даже смерть не сгложет и не разрушит –
одно тело в гроб нас положат, ляжем;
и взлетит к престолу, чем две, полегче
душенька наша.

12

Ну, полно философствовать,
шалить словами быстрыми,
кидаться силлогизмами,
товарищей вышучивать –
пора приобретенные
в трудах бессонных знания
на деле применить, пора
избрать пошире поприще!

Высоколобым умникам
все сказано – пора теперь
всему народу Божию
вещать погромче истину,
чтоб игбі мы, чтоб огбі мы
сказали слово верное –
ученики афинские
сказали римской курии.

Мешок набили книгами
заплечный философскими,
мы флягу неразбавленным
вином налили доверху,
мы взяли нож наточенный,
за сапогом упрятали,
пошли тропами узкими,
где двое не расходятся.

Не тронет волк, не тронет вор
скитальца ли, скиталицу,
и холод ветры лютые
удержит от тел трепетных,
и голода не будет нам, –
подаст лес пропитание, –
и звезды путеводные
нам не затмятся, выведут!

Пойдем, дружок мой, верный мой,
двумя ногами шествовать,
пойдем дороги дальние
испытывать – в час утренний
предстанет Город пламенный,
откуда шли апостолы;
отдаст нам в руки Петр святой
свои ключи тяжелые.

13

А судьба у клирика такова,
что только Рим имеет на нее права;
только в Риме вера
настоящая, духовная и карьера;
только римский воздух делает свободным
философа... Наша схоластика бесплодным
словом была занята – тут вещественность обретает,
в Городе, который не первую наблюдает
всемирную власть: в тогах, а нынче в рясах
ходят властители своего часа.

14

Я, в первый раз увидев этот город,
все поняла, я обновленным телом
вся вострепелась: вот мое по праву
имение, восстановить его
честь, славу – вот моя судьба прямая.

Пророчества последние какие
звучали тут – все обо мне, ей-богу!

Тонул в этой реке, переплывал
ее, поспорив с Цезарем; я, сколько
раз ни рождался, прихожу сюда
блеснуть, взять власть, погибнуть; я еще
вернусь, но слава нынешнего дня
все превзойдет, что было и что будет!

15

Рим-город пустеет веками;
текут, безвозвратно идут,
становятся беглыми снами
религия, слава и труд.

Но время ему не помеха,
готов он для новых идей,
для наших – и будет потеха
для Рима и римских людей.

Давно болтуны-святотатцы
играют тут смыслами, ждут
Антихриста; нищие братцы
аскезу бессонно блюдут.

Заради куска, подаянья
пророчат, пугают детей,
какие-то тайные знанья
бывают у этих людей.

Что сказано, то совершится!
От нас началось и пошло –
и стало плуту и провидцу
на бельмах так больно, светло

от зрелища отчего храма,
где, новый наместник Петра,
мы нового ставим Адама
над Римом, над миром добра.

16

Старались мы, в доверие втирались
к тем, к этим – ремесло наше такое,
политика и вера в нем смешались...
А старцы в красных мантиях, они
что могут против нас, когда природа
и та нам поддалась?..

Теперь не выдаст
природа нас и помогает нам...

17

Вот есть два разных ума под одной черепашкой – друг друга
жалят, торопят; двусильный, двуспальный анализ считает
все вероятности больше, чем могут, чем видят другие.
И теология в ход пошла, и интриганство, пронырство.
Мы – амфисбена-змея, не поймашь за хвост амфисбену.

Быстро в доверье входили – о сколько их к нам, кардиналов,
нежно клонилось, шептало! – и нашей двуснастной природы
мы нужную частью играли, выигрывали наше дело;
но и другой не дремал: сила ломит упорную силу,
опытны руки мои в поножовщине. Яд и кинжал – мы!

18

А мой любовник – только белый дым

над Ватиканом; мой любовник юный
одарит вас деньгами, как сегодня
одариваю телом. Кто еще,
как он, умен и робок, вещей книжник,
престиж поднимет, переспорит всяких
еретиков, а вы... Вам утруждать
тяжелой властью рамена свои.

И слушают, развешивают уши –
прислуга моя будущая...

19

Один ключ – от рая,
от неясной высоты,
божественной пустоты,
другой ключ – от Рима,
от власти здешней,
от тьмы кромешной –
кому какой?
Вот твой, вот мой!

Раньше-то первосвященник
два брал, а по руке только один,
второй – жжет, тяжел, мертв,
не повернешь в замке,
дрожит в руке;
а наша будет власть и от мира сего,
и от мира того,
потому что в добрый час
тут под тиарой двое нас.

20

Страшно – слова-то, слова-то какие:
«Семя жены сотрет главу змия».

А не о нас ли в добрый наш час
сказано, друг мой? Точно о нас!

Кончатся войны. Как наши природы
спаяны – тихо сместятся народы,
станут, единой отчизны сыны,
Божий народ, видеть светлые сны.

Страсти утихнут – от страсти любовной
жертвою мы откупились бескровной;
страсти ж другие – полегче любви,
тихой молитвою их умертвим.

Кончится время божбы и обмана,
вера восстанет в руках Иоанна
чистой и истой – вернется Христос
в мир убеленный, без стонов, без слез.

Продолжение следует.

Андрей Козырев
Стихи из книги "Сад камней".

БЕЛЫЕ СТИХИ

Все изменилось этою весной,
смешалось в нашей жизни и в природе –
земля над небом, небо под землей,
лед и молчанье, гордость, боль и память.
Когда глядишь кому-нибудь в глаза –
молчишь и видишь ледяные слезы,
лед, впаянный во взгляды и в сердца.
За ними – пламя. Пламень подо льдом.
Огонь, распад, сумятица и смута.
Мы постарели и помолодели,

и умерли, и сделались детьми.
Никто не смог остаться в стороне.
Всех обожгла весна, всех опалила,
сожгла, убила, чтобы разбудить.
Все изменилось этою весной.
Весь мир. И я, – я тоже изменился.
Я разучился жить. Я сплю весь день
и выхожу из дома лишь под вечер,
в неверной, скользкой тьме,
иду угрюмо
по льду и снегу,
вдоль холодной жизни,
и скалятся угрюмо подворотни,
и ночь угрюмо дышит мне в лицо,
и окна смотрят тусклыми глазами,
и я боюсь взглянуть земле в глаза –
большие,
неприветливые,
злые.

Иду во тьме – лед подо мной и в небе.
Глазами, кожей, чуткими ноздрями
ощупываю предвесенний воздух –
ищу твое присутствие во всем.

Ищу тебя –
и нахожу весну,
растерянную, нежную, живую,
искавшую, нуждающуюся в нас.
Наивно,
как бродячая собака,
она подходит в темноте ко мне –
к тебе она сейчас подходит тоже –
она испугана, но хочет доверять,
в нас носом тычется, но смотрит осторожно,
боится, и надеется, и ждет.
Она промерзла, как земля, насквозь,
она ждет нас и нашего тепла.
Я знаю, что без нас весны не будет.

Прости меня – я очень жду тебя.
Я чувствую, что ты – уже со мной
по дрожи пальцев, по биению сердца,
по оторопи, охватившей тело,
по перелому чуткого стиха.
И я шепчу пронзительной весне,
что благодарен за простор и холод,
за нежность оробевшего пространства,
за ветер, не по-зимнему жестокий,
за то, что мне впервые в жизни страшно,
за что, что я боюсь – не за себя.
Я жду тебя. Я очень жду тебя.
Я ждал тебя всю жизнь. Я ждать умею.
Прости, но наше счастье ждет обоих.
Оно еще боится нашей встречи,
но ждет ее – сильней, чем я, чем ты.
Нас ждет весна – одна для нас двоих.
Я знаю, без тебя весны не будет.
Прости меня. Я очень жду тебя.

АПРЕЛЬ

Как полнозвучная монета,
Звенит апрель.
Все ярче солнце, все просторней
Зиянье дня.
Светлеет даль, чернеют ветви,
И льнет к лучу
Внутри прозрачного сосуда
Росток весны.
Внутри прозрачного сосуда –
Прозрачен мир.
Под звонким, под стеклянным небом
Курлычет лед.
Смеясь и плача, под ногами
Звенит стекло.
Прозрачность, хрупкость, звон и холод –
Везде, во всем.

Все в мире кажется стеклянным,
Лишь только тронь –
Заплачет, звякнет, разобьется
Строка и жизнь.
Стеной стеклянной между нами
Стоит запрет
На встречу, нежность, боль и ласку,
Стоит всерьез.
Так чист, и солнечен, и страшен
Великий пост.
Нисан, прозрачный и холодный,
Священно пуст.
Семь страшных дней под хрупким небом
Дает весна –
Для одиночеств и наитий,
Для тишины.

Но в звоне льда в сердцах и в небе –
Благая весть.
Весна во мне пускает корни –
И вглубь, и ввысь.
Разлука смыта половодьем,
Звенит простор,
И вновь парит в слепой лазури
Увядший лист.
Шагай один, смотри за стекла
И встречи жди.
Еще не вышел срок, быть может,
Но время сверь:
Звучит благая весть апреля
Сквозь синий звон –
Предпостижение свободы
И чистый свет.

КЛЕЙКИЕ ЛИСТЬЯ

Простите меня,
клейкие листья апреля,

коли был я в чем-то перед вами нечист.
До этой ясной весны дожил я еле-еле —
я, прошлогодний, желтый, свернувшийся лист.
Тысячи зеленых храмов трезвонят по мне,
тысячи храмов на каждой ветке зовут меня.
Я хочу затеряться в этом зеленом огне,
спрятаться в ласковой сердцевине дня.
Вы никогда не солжете мне, клейкие листья,
вы скажете, зачем я жил, всему подведете итог...
Вы перебираете ветер, словно струны, руками артистов,
и по черным кистям взбегает ярко-зеленый бог.
Голубое небо увеличивает все, как лупа,
черная земля вдыхает весенний пар...
Боже, боже мой, как это все глупо —
жить небом, не завоеванным, доставшимся в дар!
Зеленые листья, скажите, что я сделал вам,
взвесьте меня на ваших весах — строго и неподкупно,
впустите меня в ваш прозрачный зеленый храм,
чтобы подпольное небо мое не было так неприступно!
Я вижу крохотные сердечки в каждом листе,
Великую Середину, в которой все свято и чисто...
Простите меня, очистите, проторите мне путь в пустоте,
молитесь,
молитесь за меня,
клейкие листья.

* * *

Под небом ослепительно бездонным
Тащил меня в неведомый мне край
В железных брызгах солнечного звона
Мучительный челябинский трамвай.
По праву пришлеца и ротозея
В тот день я, как в железную кровать,
Пристанища в Челябине не имея,
Залез в трамвай, чтоб полчаса поспать.
Слегка нетрезво, но завидно резво
Весна нашла иной маршрут и цель.

Трамвай, трясясь и прыгая по рельсам,
Железным телом ощущал апрель.
Дремля в скрежещущей трамвайной бездне
В начале ослепительного дня,
Я в пестром звоне, грохоте и блеске
К своим виденьям рифмы подгонял.
Мечтательно клюя пространство носом,
Невольно совершая реверанс,
Я задавался непростым вопросом:
Кто погрузил меня в священный транс.
Плыло пространство, солнце взгляд слепило,
И сквозь меня дышала горячо
Любовь, что движет солнце и светила,
Тебя, меня и что-то там еще.
Весна вгрызалась в кровь грешно и едко,
Фантазиями странными дразня...
Я до сих пор в трамвае этом еду
И жду, куда он привезет меня.

* * *

Утоли мои печали
Светом солнечного дня,
Стуком маленьких сандалий
На дорожке у плетня,
Детским смехом, чистым взором,
Неспешащим разговором,
Красотой всея Земли
Жажду жизни утоли.
Дай мне, жизнь, поверить в Бога,
Что всегда сильнее зла,
И в придачу — хоть немного
Человечьего тепла.
Дай приют, что мне не тесен,
На столе — огонь свечи,
И еще — немного песен,
Мной написанных в ночи.
Дай мне верные ответы

В споре памяти с судьбой,
И еще — немного света,
Сотворенного Тобой.

Валерий Румянцев
Избранные басни.
Часть 2.

Шнурок

Шнурок развязным стал. За всё цепляться мог.
И потому его прогнал Ботинок старый.
Но этот изворотливый Шнурок,
В который раз избегши кары,
Устроился завязкой у Мешка,
Куда Ботинок бросила Хозяйская Рука.
Мешок теперь валяется на печке.

Шнурки пролезут в тёплые местечки.

Дева и Роза

- Я так люблю цветы! - сказала Дева,
Целуя ей подаренный букет.
Сдержать не в силах праведного гнева,
Со стоном Роза молвила в ответ:
- Когда б меня и вправду ты любила,
Тогда б цветы не позволяла рвать.
Как хорошо в саду цвести мне было
И как мучительно в букете умирать!

И так бывает: то, что любим,
Охотно мы берём и губим.

Гвоздь

Гвоздь в дачной лавке обожал людей.
Знакомство было шляпочным, но все же
Гвоздь твёрдо был уверен, что нигде
Существ прекрасней просто быть не может.
Он грелся человеческим теплом,
А, значит, человеческим участием -
И было на душе стальной светло,
И разливалось ожиданье счастья.
Но тяга к большему всем в этом мире движет.
Страстями пылкими как пламенем объят,
Гвоздь из доски полез, чтоб к людям стать поближе,
Но был забит безжалостно назад.
Не раз, не два Гвоздь повторял попытки.
И чем теснее был с людьми контакт,
Тем большею оказывалось пыткой,
Что люди понимали всё не так.

Да, путь любви порой настолько труден,
Что к горлу просто подступает ком.
Гвоздь всей своей душой стремился к людям,
А получал удары молотком.

Плата за лесть

Лиса. Ворона. Сыр. И сырный аромат,
Которым дуб с Вороною как облаком объят.
Лиса от сыра млеет
И льстит Вороне, аж язык потеет.
Ворона ж, стиснув клюв, молчит себе и ждёт,
Что рыжая ещё изобретёт.
Лисица - ас в словесных пируэтах -
Давно оставив сзади всех поэтов,
Плетёт рулады, не жалея силы.
Слова Лисы Вороне гладят уши,
Какое счастье вновь и вновь их слушать.
И море лесты птицу подкосило.
И знала ведь, что сыр - похвал причина,

Его добившись, скроется Лиса,
Но каркнула от счастья дурачина,
На суть вещей закрыв на миг глаза.
Что тут поделать - так устроен мир,
Нет даже слова правды в райском пенье,
Но всё же мы льстецам кидаем сыр
В награду за блаженные мгновенья.

Телёнок и Олень

Телёнок упрекал Оленя:
“Рога и быстрота, и рост -
Всё при тебе. Чем ты не гений?
Зачем пред псами хмуришь хвост?”
Олень в ответ: “Дрожу я с детства,
Услышав, как собаки лают.
В мозгах туман, и кроме бегства
Я ни о чём не помышляю.
Мне драться с псами не с руки,
От страха в сердце только муки...”

Глаза у страха велики,
Но не забудь, что близоруки.

Бешеная лошадь

Сел Человек на Бешеную лошадь.
Та понеслась неведомо куда
И сразу измотала свою ношу..
Мелькали степи, сёла, города.
Какой-то встречный на одной из улиц
Спросил: “Куда несёшься так, безумец?”
И донеслось в ответ: “И сам не знаю,
Я - только пленник лошадиной власти...”

Как часто мы не понимаем,
Куда несут нас наши страсти.

Слава

Явилась Слава к Мудрецу,

Решив, что он её достоин.
Но тот был холодно спокоен,
Сказав: “Мне Слава не к лицу”.
“А мне лицо твоё подходит...”
С тех пор, ограбив Мудреца,
В чужом обличье Слава ходит,
А Мудрость ходит без лица.

Машинка и Бумага

Машинка, гордая собой,
Но недовольная судьбой,
Бумаге плакалась однажды:
- Я, ты прекрасно это знаешь,
Тружусь, не покладая клавиш,
Но не меня - Поэта хвалит каждый.
Как будто это он всё сочинил.
Нет больше сил
Безропотно терпеть несправедливость.
И долго продолжаться это будет?
И почему так слепы люди,
Скажи на милость?
- Ты не права, - Бумага отвечала. -
Не будь меня, и ты б всю жизнь молчала,
Ни строчки не смогла бы сочинить
И, если уж по правде говорить,
Не ты, а я - начало всех начал...
Они чуть не подрались сгоряча,
Но друг до друга не могли добраться
И только продолжали препираться.

Редакторско-издательский отряд,
Творцов литературы разбраня,

Себя Творцом, естественно, считает.
О, простота святая!

ПРОЗА

Игорь Петраков. Роман без кокаина. Окончание.

"На сцене - палата, стулья, торжественные от непомерно высоких спинок, низкие своды и над всем этим какой-то мрачный гнет. Собирались гости, все очень торжественно разодетые и рассаживались вокруг стола, крытого красным бархатом, на котором стояло золотое блюдо с неошипанным лебедем. Рядом со мной опять была Соня, и я знал, что мы справляем нашу свадьбу.

Все расселись, и в палату вошла моя мать. Она была в затасканном платье, в туфлях, жалко улыбаясь, маленькая, ссохшаяся, она бочком села к столу. Между тем блюдо с лебедем убрали, и лакеи в красных ливреях и белых перчатках расставляли, разносили блюда с какими-то кушаньями. Мать уже захватила лопатку с блюда и стала накладывать себе в тарелку. В ней вдруг все как-то низменно изменилось.

Она начала глотать не по силам, быстро, жадно. Глаза ее нехорошо бегали, старушечий подбородок летал вверх и вниз, жадно всасывая пищу, она в скверном наслаждении повторяла - ах, как фкусне, ах, вкусне. Я начал испытывать новое чувство к матери.. Тут на меня навалилась такая тоска, такое одиночество жизни.. Мне захотелось стонать. Между тем мать, съев все, стала безпокойно поерзывать на стуле. Все сразу поняли, что у нее испортился желудок, и ей нужно выйти. Мать приподнялась, с трудом опираясь на стол.

Все обратили на нее внимание. Все смеялись, указывая, крадучись, на нее.

Больше я не мог выдержать. Я рванулся из последних сил, что-то внутри дернулось неприятно, и я проснулся. Была глухая ночь. Я лежал одетым на диване. На столе под зеленым колпаком горела лампа. Я слез, спустил ноги, и мне вдруг стало страшно. Стало страшно так, как бывает страшно взрослым, несчастным людям, когда

внезапно, среди ночи проснувшись, обнаруживаешь, что сейчас проснулся не только от виденного сна, но и от всей жизни.

Что творится со мною здесь, в этом ужасном заброшенном доме?

Зачем я здесь живу?

Чем я бредил здесь, в этой комнате?

Я сижу на диване, трясусь от холода много дней нетопленной комнаты. Я сижу уже долго. За окном брезжит поздний зимний рассвет. Я встаю, трясу головой:

- Я б о л ь ш е н е м о г у. Не - могу - больше".

Песни, в которых пропагандировались и воспевались алкогольные напитки ("Сплина", "Агаты Кристи", "Смысловых галлюцинаций", например) потеряли для меня ту же прелесть. Как выяснилось, фронтмены популярных рок-групп тоже могут ошибаться, и ошибаться на параллакс.

Проверив на себе их советы, я убедился в том, что алкоголь дает лишь временное забвение забот и проблем, при этом сами проблемы никуда не исчезают. Еще алкоголь создает иллюзию счастья - но эта иллюзия рассыпается - стоит только алкоголю прекратить свое действие.

Постепенно я перестал считать алкоголь божественным нектаром, пищей богов, даром создателя грешным людям. Я знал теперь, что алкоголь может привести к неблагоприятным поступкам, даже к преступлениям. Что вино не настолько верно, как мне бы хотелось, и порой застигает разум человека, толкая на опрометчивое.

Страстное увлечение алкоголем для меня осталось в прошлом. Я вновь стал возвращаться мыслями к Лене, но думал о ней уже спокойно, без истерики. Она тоже из небожительницы превратилась для меня в обыкновенного человека со своими недостатками (как говорил герой фильма "Где находится нофелет?" -

- Ну-ка, поцелуй тетю!

- Нельзя же просто так взять и поцеловать незнакомого человека!!

- Не человека. Человека и я бы не поцеловал).

Я словно продолжал существовать по инерции - как пароход "Титаник" после столкновения с айсбергом. В одно из утр я вышел на

улицу, и бодрый весенний ветерок и теплое солнце, казалось, придали смысл моему существованию.

С моей любовью творилось Эрнст знает что. Казалось, я максимально отделился от Лены - как какая-нибудь планета в перигее. Мой научный руководитель отправился в лучший мир (как принято говорить). Меня в ту пору консультировала заведующая кафедрой. Диссертация продвигалась ни шатко, ни валко.

Итак, в теплое утро с внутренним солнцем, скрывающемся за пасмурной пеленой облаков, я вышел из автобуса на остановке около библиотеки, и уже собрался направить свои стопы к Пушкинке, как вдруг, выходя из подземного перехода, услышал обращенный к небесам вопль:

- Х..!!!!

А может быть, подумал я, этот вопль обращен ко мне? Злое существо, обладающее хорошо поставленным голосом, так доводило до моего сведения, что ничего мне не светит в плане диссертации и моей любви. Предсказывало полный крах моих начинаний во всех делах.

Это оскорбление я поневоле отнес и к себе. Неожиданно было услышать такое, с позволения сказать, откровение в это теплое светлое утро. Но существо было уже не остановить. Идя рядом с какой-то девицей оно, воодушевившись, еще раз воскликнуло:

- Х..!!!!!!!

Сколько же у него было сил, сколько воздуха в легких. Он собрал, казалось бы, все свои силы для этого крика. Мощной бранью огласил не только пространство вокруг себя, но и всю площадь. Нарушая закон Божеский и человеческий.

Мне поневоле пришли на ум слова: "Редакция же "Секунд" вынуждена заявить, что не может заявить о своей поддержке ни карманным ворами, ни растлителям детей, ни другим нарушителям закона, в том числе нарушителям Закона Основного".

И тут существо в третий раз заорало:

- Х..!!!!

У меня появилась мысль о том, что следует как-нибудь наказать орущего..

...

Далее происшествие покрывается туманом. Известно лишь, что через некоторое время я обнаружил себя в палате психиатрической

больницы, куда то ли по воле властей, то ли по прихоти судьбы, то ли происками моего воображения были помещены еще шесть пациентов.

Каждое утро нас посещали врачи, совершая обход. Выслушивали разнообразные жалобы, что-то отмечали в своих блокнотах. Посещение врачей вносило приятное разнообразие в тягучее, медленное время больничного существования.

Среди больных выделялся один новоначальный верующий, прославившийся в нашей палате тем, что много раз подряд, гнусавя, читал "Отче наш" вслух, сидя на своей кровати. Молитва, что и говорить, нужная, но не до такой же степени, чтобы систематически донимать ею своих соседей по дому скорби!

Были в палате и два наркомана. Они быстро наши друг с другом общий язык, перемигнулись, и общались в своем узком кругу. Один из них был особенно крут, и вспоминал времена употребления им наркотиков (ласково называя героин - "Герыч"). Он любил орлить свою речь тем или иным бранным словом, козыряя последним по поводу и без повода.

Однажды он что-то оживленно рассказывал, его сосед (тоже наркоман и сквернослов), возражая, перебил его, но тот, обозленный, забыв о том, что находится в человеческом обществе, выругался матерно.

Здесь я опять не выдержал.

- Как тебе не стыдно, детка, - задушевно начал я, - ведь ты - почти что полноправный гражданин великой России. А эти ужасные словечки.. А ведь ты наверняка учился в школе, изучал музыку Пушкина и Лермонтова, и именно этой-то музыки ждешь от тебя несчастная Россия - этой и никакой другой.

- Ты, брат, - ответил наркоман, - знаком, вероятно, с господами Лермонтовым и Пушкиным только по казенным хрестоматиям.

- И для тебя считаю излишним дальнейшее знакомство с этими поэтами, как считаю необходимым, прежде чем подарить ребенку розу, срезать с нее шипы.

Наркоман тихо ругнулся, отвернувшись в угол. Однако с тех пор они с другом уже стеснялись бурно выражать свои эмоции при мне.

Больше всего из времени, проведенном в психиатрическом стационаре, мне запомнилась моя болезнь - с температурой (типичное ОРВИ) и весьма скудное питание, которым нам снабжали в этом

кефирном заведении. Как говорил домовенок Кузька - "До весны? На таких-то харчах до весны?".

Пациенты стационара были людьми разношерстными - кто-то тупо молчал, отвернувшись к стенке. Кто-то, напротив, оживленно болтал по сотовому телефону (вообще-то здесь запрещенному). Но, несмотря на это, скучно мне было в этой больнице, скучно до опупения.

Ты перестанешь мне сниться
скоро совсем, а потом
новой мечтой озарится
остывший мой дом..
Несвоевременность - вечная драма,
где есть он и она.

Игорь Тальков. Летний дождь.

Были, безусловно, и романтико-фантазийные моменты во время моего пребывания в психиатрической больнице. Некоторые молчаливые соседи по палате представлялись мне подчас противниками существующего режима, невзначай выразившими свой протест или восставшими против него.

Вот такой "героический" ореол вокруг их голов фантазировался мне.

Но как только иные из них открывали рты, ореол героизма и загадочности развеивался. На поверку мои соседи отнюдь не оказывались героями. Поговорить можно было лишь с наркоманами - да и то я считал ниже своего достоинства.

Помните, как Варлам Шаламов писал о том, что лагерь для него - отрицательная школа от начала до конца. Ничего полезного для души, ничего хорошего не находил в лагере наш легендарный писатель. То же самое я мог бы сказать о психиатрической больнице. Это был отрицательный опыт с первого дня до последнего.

Я был словно вырван из относительно здорового человеческого общества и помещен в искусственную среду, где некоторые безумцы чувствовали себя в своей вотчине, в своей тарелке. И вот приходилось выслушивать их рассуждения, сдобренные дозой сквернословия.

Слушая вполуха моих соседей по палате, я невольно вспоминал бессмертные строки из стихотворения Алексея Липина "В подражание Фету" -

На койке узкой, в психбольнице,
Слюной забрызган, я лежал,
И хор дебилов очень дружный
Над ухом тоненько брюзжал.
.. Земля, как смутный сон сестрицы,
Безвестно уносилась вниз.
И я как хмырь из психбольницы
Один в лицо увидел крыс.
Я ль несся к бездне полуночной,
Или несли меня слоны,
Не знаю точно, но за сутки
Мы добежали до луны.
И с замираньем и смятеньем
Я взором шарил в тишине,
В которой с каждым я мгновеньем
Мечтал о собственном слоне.

Или такие строки современного поэта и прозаика:

Если вы пошли в разведку,
Да еще - в разведку боем,
В сапогах и маскхалате,
С толстой сумкой на ремне,
То советуем очнуться -
Той войны давно уж нету, -
Вы не в поле, а в палате
Психбольницы номер пять.

Я понял всю несостоятельность моих прежних представлений о психиатрической больнице (навеянных эпизодом из "Золотого теленка", что ли). Настоящие обитатели больницы оказались суровыми, лишенными фантазии и чувства юмора существами, сконцентрированными лишь на своих проблемах и равнодушными к заботам другого человека.

Психиатрическая больница была местом, где было "тяжело в лечении". Ты был извлечен из привычного круга людей и забот и помещен в среду, где действовали свои скупые правила и законы.

Кормили в психиатрической лечебнице, как я уже говорил, весьма скудно. Так что постепенно пациенты привыкали к спартанскому питанию без каких бы то ни было радостей и деликатесов (было одно приятное исключение - моя матушка почти ежедневно передавала мне поджаренные куриные ножки, на которые мои соседи смотрели, слглатывая слюну).

Я утешал себя во время моего пребывания в этом заведении тем, что ведь и Гумберт Гумберт (герой Набокова) был пациентом подобного заведения. Вот что об этом пишет автор книги "Ключи к Лолите":

1950

Гумберт посылает велосипед, год назад подаренный им Лолите, и другие ее вещи в приют для сироток у канадской границы. Вскоре после этого он попадает в психбольницу, где остается до мая.

Из развлечений в больнице были совместные чаепития мужского и женского отделений, на которые навевывались мои знакомые - лютые наркоманы. И, очевидно, находили отдохновение души в этих мероприятиях.

Еще был телевизор, по которому почему-то не показывали Первый канал. Вместо этого чаще всего шла программа "Муз ТВ" с песенками зарубежных и отечественных исполнителей, репертуар которых, видимо, наиболее полно соответствовал специфике нашей больницы.

Время тянулось долго, медленно, безрезультатно. Была в отделении небольшая библиотека. Но книги там были очень старые и неактуальные для меня в моем положении. Впрочем, одну интересную книгу я для себя нашел.

Это были "Сочинения Козьмы Пруtkова", читанные мною еще в школьном возрасте. Приятно было освежить в памяти сатирические строки этой книги, вспомнить шутки старых авторов, некоторые из которых не потеряли своей значимости и сегодня.

Также мое пребывание в больнице, как я уже заметил, скрашивали беседы с лечащим врачом - вернее, врачницей. Впрочем, мне они казались какими-то отвлеченными, не имеющими отношения к моим подлинным заботам.

Однажды меня отпустили под присмотром родственников на МРТ головного мозга. Но органических изменений в моем мозгу не нашли. Чему я был рад. А больше того - был рад опять повидаться с моими родителями, по которым уже успел изрядно соскучиться.

Когда закончился срок моего лечения, я, признаться, вздохнул с облегчением. Общение с грубыми и недалекими насельниками моей палаты мне изрядно надоело.

Тема употребления алкоголя у Земфиры идет рука об руку с темой любви. Любовь сравнивается с опьянением. Вспоминаются строки:

А девушка пьяна уже который день,
по уши влюблена в чужие прелести...

"Сюжеты и темы ранних песен Земфиры".

Завершая алкогольный сюжет моей повести, хочется вспомнить, как я посещал в это время Пушкинскую библиотеку. Где я с радостью - и не в первый раз - перечитывал поэму Венички Ерофеева "Москва - Петушки". В ней я находил кладезь сермяжной мудрости (она же - посконная), ряд выдающихся по глубине мысли афоризмов автора.

Меня удивляло, как человек, находящийся под воздействием алкоголя, может так образно и смело мыслить (как говорил Альф: "Смело мыслишь, Вилли! Во главе стола тебе точно не сидеть"). Легкий стиль Венички было приятно воспринимать. О самых серьезных вещах он говорил с улыбкой.

Я завел себе записную книжку (с видами городских зданий на обложке), куда записывал самые яркие высказывания автора повести "Москва - Петушки". В завершение этой части моей повести спешу привести наиболее примечательные из них:

- "Если даже ты пойдешь налево - попадешь на Курский вокзал, если прямо - все равно на Курский вокзал" (не правда ли, Веничка здесь напоминает Чеширского кота из саги "Алиса в стране чудес"?)

- " - Хересу нет. А вымя есть" (из диалогов в вокзальном ресторане),

- "Я уважаю природу. Было бы некрасиво возвращать природе ее дары",
- лирический герой - "вдумчивый принц-аналитик",
- "совесть и вкус - это уже так много, что мозги становятся прямо излишними",
- "С тех пор, как я помню себя, я только и делаю, что симулирую душевное здоровье",
- Из бесед с ангелами:
- Какие вы глупые-глупые!
- Нет, мы не глупые, мы просто боимся, что ты опять не доедешь.
- "Там, за Петушками, где сливаются небо и земля и волчица воет на звезды",
- "Она, как я, - смотрит только в небо, а что у нее под ногами - не видит и видеть не хочет",
- "Они зарезали Марата перочинным ножиком, а Марат был неподкупен, и резать его не следовало",
- "Он непостижим уму, а следовательно, он есть" (похоже на одно из доказательств Канта),
- "Надо чтить потемки чужой души",
- "Другие-то что, хуже тебя? Другие - ведь тоже едут и не спрашивают, почему так долго и так темно",
- "Богини мщенья, остановитесь!",
- "В мире нет виноватых",
- "Жизнь человеческая - затмение души. Мы все как бы пьяны.. Доехать до младенца",
- "И ангелы - рассмеялись. Вы знаете, как смеются ангелы?"
- "Дай мне силы, Боже, пройти завтра мимо него и не плюнуть в лицо ему" (эту сентенцию я применял к уже поименованному доценту, отобравшему у меня работу),
- "О благородстве спорить нечего. У Матфея уже изложены все нормы благородства",
- "Философские камни в печени",
- "Любите безмолвные игры",
- "Научитесь скорбеть, а блаженствовать - это и дурак умеет",
- "Грустная песня США - "Отец небесный, заря угасает"",
- "Бонапарт рекомендовал почаще оперировать понятиями, ничего не выражающими, но все объясняющими, например, "судьба"",

- "Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак" (Гитлер, чье мнение мы, конечно, не разделяем),
- "Все слова сходны, молчания всегда различны" (Метерлинк),
- "Это, можно сказать, не просто проза, а вкусная и здоровая пища",
- "В этом есть, конечно, своя правда. Это - Комсомольская правда",
- "И в запой отправился парень молодой",
- "Гроза мелкая-мелкая. Гроза Николая Островского",
- "Надпись "Комитет борьбы с окружающей средой" заменена на: "Охрана загрязнения окружающей среды""",
- "Декадентщина - увлечение декадами (как-то: искусства и др.)",
- "Мир - результат самоограничения Бога" (Л.Карсавин),
- "Мои познания в альпинизме ограничены только тем, что "народному вождю Красной армии" в сказочно далекой Мексике раскроили череп альпийским ледорубом",
- "Красота моя меня с ума свела",
- "Человек - это звучит горько",
- " - Ах, зачем я не птица, не синяя птица?
- Помолчал бы уж, старый вахлак".
- "Потустота",
- "Женщину красит заурядность",
- "Дебаркадер - еврейская фамилия",
- "В британском энциклопедическом словаре: ""Kak zakalalas stal" - история успеха молодого калеки""",
- "Мне скучно обыкновенное, а по сравнению с Христом - все обыкновенное",
- "Солнечное сплетение обстоятельств",
- Г.П.Федотов: "Русская интеллигенция есть группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей",
- "Мое сердце не говорит этой музыке "нет", но и "да" оно не говорит. Оно пожимает плечами, когда слушает ее",
- "Способности, которые отличают человека от всей фауны:
 - 1) способность смеяться,
 - 2) пить спиртные напитки,
 - 3) совершать безпричинные поступки,
 - 4) поступать наперекор своей выгоде,
 - 5) решиться поднять на себя руки (к чему автор повести отнюдь не призывает - ИП).

- "Несовершеннолетний возраст",
- "Еврейская фамилия - Пропеллер",
- "Перевести в умственную сферу понятия "ультра" и "инфра", то есть выше понимания и ниже понимания",
- "Жизнь вполне терпима, но вряд ли стоит родовых мук" (А.Шопенгауэр),
- "Девушки должны собирать цветы, ибо это вырабатывает у них навык низко нагибаться",
- "Уже на третьем курсе спрашиваю - а на каком я учусь факультете?"
- "От Достоевского у экзистенциалистов - концепция абсурдности бытия и трагизма человеческого существования".

часть третья

Свобода.

Не помню, что сподвигло меня на решительный отказ от алкоголя. Видимо, мне просто приелись наслаждения и сомнительные удовольствия, которые следовали за его употреблением.

Я сделал простое усилие - и освободился от этой своей зависимости, как любят говорить психиатры. "Есть в одиночестве свобода",- говорил русский поэт. Именно такую свободу начинал я познавать в момент отказа от алкоголя.

Раньше для меня, почти по Набокову, по сравнению со счастьем "совместного Бытия" даже такая ценность как свобода - казалась второстепенной.

"...музыка, вначале казавшаяся тесной тюрьмой, в которой они оба, связанные звуками, должны были сидеть друг против друга на расстоянии трех-четырех саженей, - была в действительности невероятным счастьем, волшебной стеклянной выпуклостью, обогнувшей и заключившей его и ее, давшей ему возможность дышать с нею одним воздухом.. прекрасный плен" (цит. по: Т.Г. Галкина, 2007, 37).

Итак, и плен, и тюрьма в этом фрагменте текста - лишь метафоры, которые оттеняют счастье героя.

"Шелестящее, влажное слово "счастье", плещущее слово, такое живое, ручное, само улыбается, само плачет".

Если выделить три основных ценности у Набокова, то получится так: счастье, любовь, свобода.

Я понял, что начинать строить свое собственное счастье надо именно на основе дарованной мне Создателем свободы. Конечно, это была не абсолютная вседозволенность, свобода была ограничена некоторыми нормами морали и закона, но все же ее ощущение в душе - было непередаваемой радостью.

Как и в повести Крапивина "Гуси-гуси, га-га-га" главным, так сказать, вопросом моим был - вопрос свободы, личной свободы. Такой, о которой думает Цинциннат Ц в "Приглашении на казнь".

Ее "ограничителями" у Крапивина являлись архаичные, порой смешные, порой страшные, второстепенные персонажи повести. Один из них - Альбин, которого Корнелий просто побеждает в поединке. Причем итог этого поединка подчеркнуто юмористический: Корнелий сообщает охраннику, что в комнате, где он запер Альбина, находится буйный пациент.

(К слову, произведение связано с другими повестями цикла " В глубине Великого кристалла". Финал повести "Гуси-гуси, га-га-га" интерпретируется в "Сказках о рыбаках и рыбках". Где речь идет о том, что Корнелий Глас продолжает жить).

Но что сделало меня свободным? Освобождение от зависимости, - конечно, да. Но не только это обстоятельство. Как сказано в Евангелии, "и познаете истину, и истина сделает вас свободными". Личную свободу давала мне вера в Бога. Она была твердой опорой в моей жизни. Теперь я был не один в бушующем подлунном мире. Ничто не могло меня смутить, ничто не могло сбить с намеченного курса.

Свобода стала для меня определенной ценностью. Это была - "самая простая, вещественная, вещественно-осуществимая свобода". Я был создан для того, чтобы чувствовать ее.

Так о свободе мечтал тот же Цинциннат Ц, томившийся в тюрьме, и конце повести вышедший к существам, похожим на него (сойдя с эшафота).

Она чем-то напоминала свободу, которую я чувствовал в мире теней - во снах. Такая свобода учитывала, впрочем, требования разума и уважение к свободе других людей.

Чем-то она была похожа на свободу по Сартру, который считал, что человек - это "свободный проект", и сам выбирает свой путь в жизни.

Я считал, что образ Божий состоит прежде всего в моей собственной, личной свободе. Свободе человека.

Моя свобода подразумевала под собой трезвый разум, трезвый расчет элементарных последствий своих поступков. Таким образом, мною в расчет принимался тот внешний мир, который был склонен отвергать Вадим Масленников в "Романе с кокаином". Внешний мир при этом мне уже не казался нагромождением абсурдных, имеющих волю ко злу, непонятных существ. Внешний мир, как выяснилось, в подавляющем большинстве своем был населен людьми, каждый из которых имел свой разум, воспитание, моральные установки.

Таким образом, моя свобода соединялась с уважением к свободе всех этих людей - представителей "внешнего мира". Думая о них, я вспоминал такой диалог героев фильма "Любовь и голуби":

- Василий! Почему люди так жестоки, Василий! (говорила героиня Людмила Гурченко).

- Ну так, Раиса Захаровна, люди-то - они разные.

Моя свобода была почти невероятным откровением, "невероятной свободой", как говорил герой рассказа Набокова. Я вновь стал думать о Лене в эту весеннюю пору. Вот бы (думалось мне) она разделила вместе со мной это чудесное ощущение, этот вкус свободы. Свободы от условностей внешнего мира, от мифов, придуманных людьми в свое оправдание.

Лена была душой, ищущей истины и бессмертия, - в этом я не сомневался. Моя версия человеческой свободы - истинной свободы - наверняка пришлось бы ей по нраву.

Конечно, я скучал по нашему общению в это время. По человеческому общению двух равноправных свободных личностей. Личностей, наделенных разумом. Но, очевидно, у моей свободы тоже были свои границы. Которых я пока не мог преодолеть.

Я стал постоянно ходить в церковь. Посещал три разные церкви в разных районах города. Больше всего мне нравилось бывать в Казачьем соборе - прихожане его были крайне серьезными людьми. Приятно было вместе с ними молиться.

Слова молитв, провозглашаемые священником, несмотря на свою древность (а может, благодаря ей), находили отклик в моей душе. Душа "растепливалась", как сказал один автор православной книжки (да, я покупал и читал православную литературу в это время).

В Православии я находил слова о подлинной истине и свободе - не выдуманной людьми, а самой что ни на есть настоящей.

И слова о подлинной любви - не эгоистичной, а пропитанной уважением к личности другого человека.

Как отлична от многих, как непохожа на других девушек была Лена.

Она так любила разум и ту же предсказуемость, что все иррациональное (включая тонкие чувства) была склонна отвергать.

Моя же любовь как подлинное тонкое чувство всегда шла по краю рационального. Когда мы перестали встречаться с Леной, она не только не угасла, побежденная разлукой, но - напротив - расцвела.

Какие просветы были по ночам! Вот высшее достижение любви. У нас с ней по ночам стали происходить душераздирающие свидания - и ее муж никогда не узнает этих моих снов о ней.

Но счастье, обыкновенное, банальное человеческое счастье - спокойное, как огонек горящей свечи перед иконой - все еще было мне недоступно. Мое счастье было непостоянным, ветреным, выхватывающим жадно из темноты то одну, то другую панораму жизни. Фрагментарным как те же сны.

Я ощущал только спокойную, тихую боль от нашей разлуки. И находил в этом чувстве особое удовлетворение. Иногда мне хотелось, чтобы Лена тоже почувствовала эту боль. Разделила ее со мной. Иногда, в минуты отчаяния, мне казалось, что Лена не способна ее прочувствовать по определению, что душа ее очерствела без моего общества.

Вот такие, в общем-то, эгоистичные чувства и мысли одолевали мой разум.

Как мне хотелось, чтобы моя любовь обрела качество постоянства, чтобы вошла в спокойное русло. Такую возможность могли дать мне не случайные сны - а только дневной мир, в котором Лена, увы, все отдалялась и отдалялась от меня. И была страшно далека - как "из приснившихся стихов последняя строка".

Осознание неотвратимости, неизбежности разлуки, пришедшее после нашей с Леной размолвки, которое так терзало меня в первые дни, ушло. Проглядывала в пестрой пустоте весенних дней какая-то безумная надежда. Я вспоминал диалог из Набокова:

- Значит, есть все-таки надежда?

- Никакой. И вы сами это отлично знаете.

"А что, если я вас люблю?" - хотелось мне спросить тогда у своей избранницы, отдалившейся от меня по своей собственной воле на необыкновенное расстояние.

Среди пестрых мыслей одиночества и отчаяния мелькала еще и такая: когда-нибудь, но только не сейчас, я все это опишу, все приведу в порядок, и слова о моей любви, выстроившись в ряд на белой бумаге, примирят меня с суровой действительностью.

Было ранее утро. Стекла моей комнаты еще дрожали от недавно проехавшего грузовика. Необыкновенная тишина.. Те, кто поздно ложится, уже уснули, а те, кто рано встает, вели себя тихо и дисциплинированно в это утро.

Особенно остро я почувствовал в эту пору всю неустроенность своей судьбы. У других людей были законные возлюбленные, работа, постоянное общение, стабильность, уверенность в завтрашнем дне. Всей этой роскоши я был лишен. Как сказал однажды один провинциальный поэт,

Одиночество приходит утром,
Как надежная и верная сестра..
Обо всем она заботится, но чудо
Подарить мне не смогла..

А ведь, знаете, нужна надежда,
Человек всегда, наверно, ждет,
Что его признают люди те же,
Тот же город, и придет

Как подобье музы жизнь другая,
Та, что не предсказана судьбой.
И тогда как первый житель края,
Будет он хозяином.. Постой,

Погоди еще одну минуту,
Видишь - не обидел я тебя..

Милые, странные, бессильные стихи. Бессильные что-либо изменить в моей жизни. Бессильные вернуть мне встречи с Леной.

Незаметно прошел день. Вечерние сумерки и тишина кольцеобразно рифмовались с утренней беззаботной порой. В такой час в тихой церкви, что на окраине города, у конечной остановки трамвая, проходит спокойная вечерняя служба.

Как любил я ходить на нее, - мое сердце словно оттаивало, а мир наполнялся смыслом.. Еще я любил сидеть на скамейке в углу церкви, и поднимать голову к иконам, вспоминая слова молитвы. И просто будто беседуя с Богом своими словами.

Где взять теперь силы, чтобы подняться, идти в церковь?

Необыкновенная тишина, звенящая тишина вывела меня из себя. Предметы, приподнятые волной сумерек, плавали как мебель во время наводнения.

Что было со мной в эти несколько часов, куда провалился этот день, почему наступила темнота? - вопросы возникали и меркли, пропадая, поскольку и они не имели смысла. Гроза усиливалась. По стеклам проходил гул.

Я ощутил заметную слабость. Жизнь показалась прекрасной, воздух - упоительным.

По улице шло легко. Я быстро дошел до станции, ловко минуя стариков, попадавших мне по дороге. Лил дождь, солнце садилось. В городе играла музыка, звеневшая в голове привкусом абсурда. Справа за пустырем театральной декорацией чернели валки тополя.

Я не жалел о случившемся. Жалость к себе переполняла меня - но это было лже-воспоминание, сфабрикованное воспоминание, бледное по сравнению с той действительностью, которая все еще окружала меня. Мне казалось, что я потерял последнюю волю - человеческую волю. Что я - определенно существо, которое не знает, что случится с ним в следующую секунду.

На перроне было пустынно - вещь, обычная в прорехах истории, на terrains vagues времени. Всего - навсего одна живая душа встретилась мне - молодой человек, возвращавшийся домой с неприлично, по-видимому, затянувшейся вечеринки. Приближался поезд. Он не замедлял ход. Он не будет останавливаться.

И вдруг я вижу - люди, люди, люди - появились на пошатнувшейся платформе, - как уже однажды виденный сон, как усилие невероятное. Город поплыл. Я попытался убедить себя, что это не настоящие люди, а кукольное представление, фантазия избалованного литературой мозга, пытающегося оттянуть свой безславный конец.

Я сел на скамейку (подробностей того, что было, не помню). Я размышлял над афоризмом: "Другие люди умирают, но я - не другой, следовательно, я не умру". В такие минуты отчаяния смерть представлялась мне нестерпимым соблазном. Кто знает, какие возможности, какое могущество открывается в неведомом мне посмертном существовании? Я видел смерть только извне, в моей душе застыли воспоминания об уходе близких мне людей. В моем личном опыте смерти не было, и, по здравом рассуждении, я не жаждал его получить. Ибо, с другой стороны, от самого понятия смерти веяло какой-то устойчивой пошлостью. "Пошлое равенство смерти", - говорил о ней один русский классик. "Для чего души ваши устремляются в вышняя, когда вы вроде как бы несовершенные насекомые, - говорил один обличающий православный товарищ, - вроде червяка необразованного?" И правда - для чего?

Я смотрел искоса на солнце. А, может быть, солнце смотрело на меня. А ведь что-то за этим есть, что-то есть, что скрывается за всем этим, за игрой света и тени, за жирным зеленым гримом листвы.. Не зря, видно, живут на свете человеческие души, существа, похожие на меня. Меня больше не тяготил тщательно сконструированный муляж мира - атомы, молекулы, инфузории и так далее - до высших обезьян. Это наваждение осталось в прошлом, как фантазия, необходимая для того, чтобы компенсировать страх, одиночество, гордость. Но так ли уж необходимо лгать себе? Ведь мир был устроен Создателем наверняка с разумными целями.

Я вспомнил, что не я начал эту игру. Магическая власть знания над мной рухнула. Теперь ты свободен - и один перед Богом.

Это и есть свобода.

Правда, она сильно отдаёт одиночеством. Как у французских экзистенциалистов середины прошлого века - Сартра и Камю. Недаром их произведения что-то были нерадостны.

Экзистенциальная свобода, воспетая западными авторами.. Вспомним хотя бы Стивена Кинга (высказавшегося, кстати, против

"спецоперации" и за это, по всей видимости, признанного в РФ иноагентом). Вот что писал "король ужаса" в романе "Лангольеры":

В пустыне
желто - пастельной
увидел я некий миг
его, в чешуе змея,
косматого, грязного, грозного.
Сжался, нелеп и наг,
от боли зверея,
сердце в ладонях стискивал.
Грыз его.
Выл с тоски.

Спросил я: "Вкусно ли, друг?"
Дернулся он - вздрогнул.
"Горько, - ответил, - горько.
Жжет - гарью да горем,
огненным привкусом перца.
Да мне - по вкусу,
горько оно - гордо.
Ведь это ж - мое сердце"
(перевод Н. Эристави).

Есть в таком одиночестве и гордость, и самолюбование - чувства, которые стали теперь до известной степени противны мне.

Страшно ясно, точно душа озарилась безшумным взрывом, мелькнуло будущее воспоминание.

Тогда я, словно герой Набокова, почувствовал глубокую нежность мира, благодать всего, что окружало меня. Как будто я был не один, как будто наладилась связь между мной и сущим. И тогда я понял, что радость, которую искал в тебе, Лена, не только в тебе таится, но живет и дышит вокруг меня повсюду - в пролетающих звуках электровоза, в нежном гудении утреннего ветра, в подоле смешно подтянутой юбки, в весенних тучах, набухающих грозой. "Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда нелепых и хищных случайностей, а радость, подарок, еще не оцененный нами".

Выдуманный город остался за спинами станционных зданий. Чем-то он был мне дорог. Я исходил его вдоль и поперек, думая о тебе. Теперь он грелся как кошка на солнце после дождя, подставляя небесному светилу облупленные бока своих зданий.

И в этот миг, наконец, ты пришла. Вернее, не ты, а чета местных жителей: он в непромокаемом плаще, она - худая, высокая, в пантеровом пальто. И тут я заметил, как она на тебя похожа.

Мне незачем было больше ждать

ЮМОР

Юрий Тубольцев.

Что бы ты ни делал - ты ищешь любовь
(абсурдософские афоризмы).

Даже, если волк проходит мимо овцы – он виноват.
Мечты сбываются, когда в них нет лишних слов.
Хочешь, чтобы твоя жизнь стала великим романом – что-то обязательно должно пойти не так.
Красивые женщины – это волна, настроившись на которую легко и захлебнуться.
Толстокожий грабли принимает за массаж.
Реальная версия себя обычно не самая смешная.
Общество - это клуб неудовлетворённых.
Думал, ты играл, а оказалось, тобой играли.
Чтобы дойти до успеха, нужно обходить грех.
Любая новая история начинается со старых граблей.
Если в тупике есть красивая женщина – это не тупик.
Старый путь прямее нового пути.
Талант – это приятный бонус к благу.
Листопад не наступит никогда, если мир нарисован.
Мы думаем, что мы меняем судьбу, на самом деле судьба меняет нас.
Не поднимайся выше, пока не взял всё с текущего уровня.
Дурак всегда зайдёт не в ту дверь.
Все великие события истории происходили при странных обстоятельствах.
Доходит до того, кто сам идет.
Когда ума не хватает, обдумываешь глупости.
Дурак - это не про ум, это про отношение к жизни.
Кто ждёт подставу, тот её и получит.
Если ты паразит – не удивляйся, что встретил такого же.
У современного искусства привкус чёрного квадрата.

Будь собой, а не выпрямляй кривую версию себя.
Если орла назвать курицей, он не примет это на свой счет.
Многие девушки не понимают, что, когда они носят очень красивую одежду, их даже не хочется раздевать.
Что общего между черепахой и женщиной? Они обе тебя переживут.
Теория – магнит для подогнанных под нее фактов.
Кто ищет ошибки, находит маленькие ошибки, кто не ищет ошибки, находит большие ошибки.
Если что-то не сбывается - это к лучшему.
Если прошел через вход, придется пройти и через выход.
Чтобы все сложилось, надо в чем-то просчитаться.
У каждого свой потолок, и, если его не знать, можно расшибить голову.
Лицо фальшиво, искренней быть может только морда.
Не понял, где спотыкнулся – в следующий раз упадешь.
Чтобы мечта сбылась, не превращай её в план.
Не требуй от курицы быть на высоте.
Доходишь до более интересных решений, только когда ломается калькулятор.
Куда бы ты ни шёл, иди аккуратнее.
Слава достается не тяжелым трудом, а глупым поступком.
Короткая дорожка не бывает ковровой.
Выходя из одной маски, входишь в другую.
На старые грабли ты наступишь даже в новых ботинках.
Во время пути меняемся и мы, и цель.
Не цепляйся за случайность, окажешься без опоры.
Как много пройдено, - любила говорить улитка.
Массовая культура возводит маяки в бухтах-барахтах.
Робот свое программное обеспечение называет характером, а человек свой характер называет программным обеспечением.
В жизни важны две вещи: вовремя простить и вовремя попросить прощения.
Человек - это копируемый аппарат глупости.
В искусстве главное - никому не подражать, даже самому себе.
Кто не может найти себе места, попадает в яму.

Я бы вляпался, да больно вокруг чисто.
Если курица расправила крылья, значит, она пытается стать фотомodelью.
Единственный способ, как курица может доказать свою индивидуальность - это начать нести золотые яйца.
У дурака последний шанс оказывается граблями.
Не делай искусственный интеллект фундаментом, он только надстройка.
Мир – это театр, в котором не всегда можно отказаться от не своих ролей.
И новая опора может оказаться старыми граблями.
Движение ведёт к развитию, движуха - к разрушению.
Если дурак встанет на ступеньку выше положенного, это заканчивается падением с лестницы.
Если ты ленишься, значит платишь за свою лень мало денег.
Все складывается, когда сценаристом твоей жизни является математик.
Наглые морды обычно считают себя важными лицами.
Раньше принцессы придерживались этикета - теперь - понятий.
Непокорённые вершины опаснее проверенных ям.
Попался в яму – переверни мир, окажешься на горе.
Сделаешь женщину своей игрушкой, не заметишь, как станешь ее игрушкой сам.
Перчатки - это эволюционировавшие варежки, - говорил Дарвин.
Когда впереди дурак, сзади будет бардак.
То ли лететь, то ли поумнеть, - не могла выбрать курица.
Сколько с эхом не спорь, последний вздох за ним.
Нельзя стать гением и ни с кем не поссориться.
Дураки натоптывают тропинки к тупикам и глупости.
Лёгкая жизнь только у бабочки-однодневки.
Когда долго бежишь, забываешь, что хотел догнать.
Если хочешь переспорить женщину - не спорь с ней.
Если ты идёшь не туда - походка выдаст.
Всему надо знать не только сегодняшнюю, но и завтрашнюю цену.
Если ты попал в вагон удовольствий, проверь, не отцеплен ли он от поезда.

Сердце диктует стратегию, мозг – тактику.
Не объясняй коту львиные законы.
Делай, что надо, а не что надо было.
Однажды всё, что было по Фрейду, станет по Диснею.
Не жалеи, если поезд ушёл, возможно, он сойдёт с рельс.
Иногда лучшее решение - вытащить из калькулятора батарейки.
Дурак отвечает, даже если его не спросили.
Для порядочных людей жизнь - театр, для непорядочных - цирк.
Когда вокруг тысяча дверей, дурак видит единственный выход.
Не проси голодного расставлять приоритеты.
Если человек бездарность, деньги сделают его ещё глупее.
Трудно не быть овцой в присутствии волка.
В переменах обратной дороги нет.
Мужчина не может серьёзно размышлять в присутствии женщины.
Своя логика всегда немного отличается от классической логики.
Тысячу раз прав может быть только робот.
Бумеранг не страшен, если вовремя пригнуться.
На пасарне всегда найдутся те, кто считают себя волками.
Суди о человеке по тому, на какие грабли он наступает.
Завитушка - враг смысла.
Быть хотя бы немного не правильным – мечта любого бриллианта.
Любые ресурсы ограничены, только в чёрном списке места хватит всем.
Неудачный ход может открыть непредвиденную стратегию.
Женщина дурака делает беднее, а умного - богаче.
Он думал, что сидит на вершине горы, а это оказался маленький бугорок.
Чаще всего слово «любовь» складывают из граблей.
Если реальность не отличается от фантазий, ты робот.
Телевизор - это духовная антисанитария.
Не делай нелепые желания своим навигатором.
И первое «всерьез» оказывается несерьезным.
Из всех дорог, которые мы выбираем в жизни, я выбрал бездорожье.
Человек всю жизнь топчется на месте, а потом говорит, что прошёл длинную дорогу.
Если факты не подогнаны, то они бред.
Не думай, что если начнёшь сначала, грабель будет меньше.

Даже, если попугай убьёт в себе болтуна, он не станет орлом.
Куда бы ты ни шёл, суета - это шаг назад.
Кто ищет приключения, находит злоключения.
Начнёшь каркать, всё проворонишь.
Плохой план хуже суеты.
Сытые волки славятся добрыми помыслами, но не долго.
Что бы ты ни делал – ты ищешь любовь! ... К себе...
Он притворялся умным, а все считали, что он притворялся дураком.
Искусство ждать намного сложнее, чем искусство действовать.
Какой таблицей умножения пользуешься, так жизнь и сложится.
Чем ярче талант, тем больше технических сбоев вокруг.
Жизнь - это вечный поиск компромисса между недостатком и пресыщением.
Кто ищет связи, находит их намного больше, чем нужно.
Чтобы лучше понять себя, поговори по душам с эхом.
Если столкнулся с трудностями, оттолкнись от них.
Жизнь - это гимн нестыковок и подтасовок.
Если орёл дружит с курицей, он попадает в суп.
С умным человеком всегда есть о чем поговорить, а с глупым и помолчать не о чем.
Чем ближе к цели, тем больше разнообразие граблей.
Не знаешь, как, где и куда – выйти из потока.
Лучше быть маленькой частью чего-то большого, чем большой частью чего-то маленького.
Свет в конце туннеля может оказаться всего лишь освещённым тупиком.

Альф. Семейные истории Таннеров.

Продолжение.

"Хиппи и панк"

В кухне. Альф прохаживается с приклеившимися к нему носками.
Вилли (Альфу):
- Что с тобой случилось?

Альф:

- Это все статическое электричество.

Брайен (отдирает носок):

- Вот мой второй носок.

Альф (Брайену):

- Давай, выдери мне всю шерсть.. Вот если бы у меня была комната.

Вилли:

- Альф, вопрос о комнате обсуждению не подлежит.

Альф:

- Прекрасно. Вспомни об этом, когда обнаружишь шерсть на своих брюках.

На втором этаже.

Вилли:

- Альф, это ты?

Альф:

- Это зависит от того, будут ли орать на инопланетянина.

Кейт:

- Альф, что ты здесь делаешь?

Альф:

- Я отмерял место для своей спальни. Думаю, она должна быть в юго-западном стиле. Вилли, захвати по дороге домой несколько коровьих черепов.

Кейт:

- Знаешь, я совершенно забыла об этом.

Альф:

- Почему бы вам не выкинуть весь этот хлам?

Вилли:

- Мы не можем выкинуть эти вещи, это часть нас самих.

Кейт:

- Вилли, Вилли, это "Лето любви".

Альф:

- Я смотрел это по кабельному. Мне стыдно за вас.

Кейт:

- Нет, это фильм, который Вилли снял в Вудстоке.

В гостиной.

Вилли:

- Линн, мы нашли фильм, снятый в Вудстоке. Это монументальный момент истории, поворотный пункт для всего поколения..

Альф (смотрит пленку):

- Здесь голые люди танцуют в грязи!

Вилли:

- Брайен, пожалуйста, проектор!

Все смотрят фильм.

Вилли:

- Смотрите, вот она, дети.

Альф:

- Кто, Стиви Никс?

Брайен (Кейт):

- Ты была симпатягой!!

Альф (Вилли):

- Е-е, ты просто красавец! Где ты достал такую рубашку, на Шри-Ланке?

Вечером. В спальне.

Альф:

- Я пришел предложить мир. Хочешь цветов?

Кейт:

- Нет.

Альф:

- Хорошо. Я пришел, чтобы извиниться (Вилли) Я понял, что у тебя не было выбора, система была сильнее тебя.

Кейт (Альфу):

- А мы оба сильнее тебя!

Вилли засыпает. Он видит Тревера - распорядителя рестораника хиппи.

Тревер:

- Добро пожаловать! Всем вам нужна любовь, а это - минимум два стакана. А это моя подруга Джуди - голубые глаза.

Появляется Рабель.

Кейт:

- Наш гуру - Хобот. Как Мохариши, как символ мира.

Появляется Альф (он же Хобот).

Альф:

- Мир, любовь, и прямо на вашу голову. Кейт, дитя мое, цветущее дитя.. Кто этот лопух?

Кейт:

- Вилли.

Вилли (Альфу):

- Люди, желающие изменить историю, идут и работают. Вы должны работать внутри системы..

Альф:

- Не хочешь пойти на репетицию "Поднимайся с народом"?

И вот как будто прошло 4 года.

Вилли:

- Привет, Большой папа.

Тревер:

- Привет, Лунный день. Ты закончил?

Вилли:

- С отличием. Не говори Хоботу. Но я пришел в колледж не за дипломом.

Тревер:

- .. цыпочки?

Вилли:

- Я говорю о совершенно новой перспективе. Моя цель - сделать планету лучше.

Появляется Альф.

Альф:

- Я буду работать в брокерской конторе.

Вилли:

- Как же твои планы помощи бедным, твои идеалы? Хобот, ты продался.

Альф:

- Эй, полегче, парень. Через год ты будешь просить у меня работу.

Вилли просыпается.

В кухне.

Альф (поет):

Я вилку и ложку положу,

Я вилку и ложку положу

С тарелкой рядом на стол,

С тарелкой рядом на стол.

И руками буду ЕСТЬ!

Вилли:

- Ты опять ешь?

Альф:

- Нет. Еще.

Вилли:

- Ты только что мне снился.

Альф:

- А в этом сне у меня была моя комната?

Вилли:

- Нет, ты жил в комнате со мной.

Альф:

- Отлично! Предоставим чердак Кейт.

Вилли:

- Нет. Чердак мы отдадим тебе.

Альф:

- Здорово!

Позже.

- Где Альф?

- Он наверху, в своей комнате слушает свои записи, наверное, опять doors.

Альф:

- Слушайте, Таннеры, давайте станцуем буги.

"Группа поддержки"

В гостиной. Альф перед телевизором.

Альф:

- Е - е! Да, минутку, Кейт.

Кейт:

- Альф, но ведь телевизор не включен. Альф, я буду выдавать тебе попкорн порциями.

Альф:

- Да, но тогда некоторые мультики потеряют свою привлекательность.

В спальне.

Альф:

- Благодарю вас. Большое спасибо.

Вилли:

- Альф, успокойся.

Альф:

- Лайма, Сэмми, Дино, почему мы не выступаем вместе?

Кейт:

- Не ешь вату.

Альф:

- Уже два часа ночи и никто не едет в Алабаму. Но тогда распадется наш оркестр.

Утром. В кухне.

Альф:

- Дайте болеутоляющего.

Кейт:

- .. хочешь аспирина? Дать сока запить?

Вилли (Альфу):

- Я видел, как ты ел вату.

Альф:

- Ее взял Брайен.

Брайен:

- Я ничего не брал.

Альф:

- Он врет. Я обвиняю!!

Вилли:

- Я все видел сам.

Альф:

- Пойдемте лучше в гостиную и потанцуем.

В гостиной.

Альф:

- .. аллилуйя! Матерь Божья..

Кейт:

- Вилли, он схватил бумажный фильтр.

Вилли (Альфу):

- Отдай фильтр.

Альф:

- .. попробуй отнять его!

На следующий день. В гости к Таннерам наведывается группа "анонимщиков".

В кухне.

Альф (Кейт):

- Кейт, все эти люди чем-то обезпокоены.

Кейт:

- Именно поэтому их и пригласили сюда. Сиди спокойно и слушай.. столько хлопот из-за тебя.

В гостиной.

- Прошу всех сесть. Начнем нашу встречу. В группе - новичок. Прошу, Вилли, что привело вас к нам, в нашу группу.

Вилли:

- .. я пытаюсь бросить .. курить.

- А почему вы курите?

Вилли:

- Кто его знает!

В кухне.

Вилли:

- Альф, ты собирался съесть кухонное полотенце!

Альф:

- Я просто нюхал его.

Вилли:

- А где Кейт?

Брайен:

- Она пошла за паштетом.

Вилли:

- Они хотят знать, почему я курю. То есть - почему ты ешь вату?

Альф:

- Не знаю.

Вилли:

- Я попытаюсь направить разговор на тему, сходную с твоим несчастьем. Пожалуй, скажу, что сначала мне понравилось курить, а потом не мог избавиться от этого. Что с тобой, Альф?

Альф:

- Мне страшно. Позволь откусить кусок твоих штанов. Мне хочется выйти отсюда, к таким же, как я! Мне не хватает семьи, друзей, поиграть в игры, в которые ты ни за что не разрешишь. Я так скучаю по субботним вечерам, когда мы ели тлю. Вспоминаю о друзьях, особенно о Ронде. У тебя же есть семья, Вилли!

Вилли:

- Мне жаль, что ты чувствуешь себя таким одиноким. И то, что ты ешь вату, не поможет.

"В ожидании Эрика"

В гостиной.

Кейт:

- Привет, Альф. Что смотришь?

Альф:

- Я изучаю метод ведения родов по Петри.

Кейт:

- Но это же шоу.

Линн:

- Мам, как ты поспала?

Альф:

- Очевидно, недостаточно долго. То, что ты тащишь такую тяжесть, это еще не значит, что ты не должна соблюдать правила общения.

Кейт:

- Альф, мило, что ты хочешь мне помочь, но у Вилли больше опыта.

Альф:

- Ну и где он?

Появляется Вилли.

Вилли:

- Я дома.

Альф:

- Во время рождения ребенка на Мелмоке отец кричит "Давай! Давай!"

Кейт:

- Ты имеешь в виду "тужься, тужься!"

Альф:

- Нет. Он отправляется стрелять по тарелочкам.

В спальне.

Альф:

- Вилли, ты в пижаме? Но когда Лора ждала Ричи, ее супруг спал в костюме.

Вилли:

- Альф, не беспокойся так об этом ребенке.

Альф:

- Тебе легко говорить, ты флегматик. А я нервный.

Вилли:

- Альф, я помогал своей жене..

Альф:

- Этой капризной и толстой?

Вилли:

- Я помогал своей восхитительной и стройной жене благополучно пережить две беременности. Так же я поступлю и сейчас.

Позже. Альф оказывается у кровати Вилли с секундомером.

Альф:

- Дорогой, уже пора (громче) Дорогой, уже пора! (еще громче)
Дорогой, уже пора!! 19 секунд, Вилли. Пока ты проснешься, ребенок доведет Кейт до роддома.

Утром. В кухне.

Линн:

- Кто-нибудь видел Альфа?

Кейт:

- Мы видели его в 2.15, 3.10, 5.08.

Появляется Альф.

Альф:

- Доброе утро, Таннеры. Может, кто-нибудь выльет мне на голову пару галлонов кофе?

Кейт:

- Ты хоть немного поспал в это время?

Альф:

- Как можно спать?

Вилли:

- Мы в состоянии сами справиться с родами без твоего чрезмерного вмешательства.

В спальне. Альф бросает подгузники в корзину.

Кейт:

- Что ты делаешь?

Альф:

- Изобретаю подгузбол.

Кейт:

- Но только не в три часа ночи.

Альф:

- Но мне надо чем-то заняться, чтобы не уснуть. Кейт, я понимаю, что твое настроение скачет как Бени Гудмен, но не расстраивайся - я с тобой.

Позже. Раздаются голоса:

- Ты в порядке?
- Все хорошо, дорогой.
- Я подгоню машину к выходу.

Линн:

- Альф, уже пора. Папа везет маму в больницу.

Но Альф не просыпается.

Утром. В спальне Эрика.

Альф (глядя на кровать, в которой располагается Эрик):

- Господи, прямо нашествие аистов. Откуда это взялось, Вилли?

Вилли:

- Альф, познакомься с молодым Эриком Уильямом Таннером.

Альф (Вилли):

- Я никогда не видел тебя таким счастливым.

Вилли:

- Это самое важное, что человек совершает в жизни.

Альф:

- Наверное, я этого никогда не узнаю.

Вилли:

- Но пока нам понадобится твоя помощь в воспитании Эрика. Кто научит играть его в бульонбейсбол или макаронполо?

В гостиной. Эрик сидит на стульчике.

Альф (Эрику):

- Здесь жить неплохо. К Кейт надо немного привыкнуть. Это - кнопки переключения каналов. Это - регулировка звука. Вот это жизнь, Эрик.

"Калифорнийское землетрясение"

После того, как в предместье Лос-Анджелеса, произошло землетрясение, Кейт и Вилли проверяют, все ли вещи уцелели.

В кухне.

- Все в порядке?
- Альф! Где ты?
- Я нашел его!

Альф:

- Армагеддон, уничтожение, апокалипсис сейчас, щупальцы огромного животного источают яд.. Помогите, помогите!
Альфа извлекают из его убежища под раковиной.
Альф:
- Вы думаете, я все это устроил? Но я не имею к этому ни малейшего отношения!
Кейт:
- Да, мы знаем, это было землетрясение.
Раздается голос Рабель:
- Кейт, Вилли, кто-нибудь есть дома?
Все, кроме Альфа, перемещаются в гостиную.
Вилли:
- Привет, Рабель, Джейк.
Рабель:
- Кейт, Вилли, у нас было землетрясение.
Кейт:
- У нас тоже.
Вилли:
- Где Тревер?
Рабель:
- На крыльце.
Тревер (на крыльце):
- Эта балка надежная? Если не возражаешь, я постою здесь.
Вилли:
- Я тоже чувствую себя неважно.
Тревер:
- Извини. Я просто потрясен.
Позже. В гостиной.
Альф:
- Мы живем на планете из расплавленной магмы?
Кейт:
- Тревер все преувеличивает. Это было небольшое землетрясение.
Альф:
- Бывают сильнее? Насколько сильнее?
Линн:
- У нас есть припасы на две недели - 140 литров воды.
Альф:
- Зачем нам такие запасы воды?

Брайен:

- А пицца?

Вилли:

- У нас двухнедельный запас пищи.. Там приехала машина, привезли воду.

Альф:

- Да, водица прибыла.

Вилли:

- 479 долларов? Кажется, я не заказывал.

Перевозчик:

- Гордон Шамуэй проживает здесь?

Альф:

- Что приготовим - суп, какао с добавками шалфея? (смотрит на Вилли) Я узнаю этот взгляд, - он меня шокирует.

На следующий день. В гостиной.

Джейк:

- Привет, это Джейк!

Вилли:

- Как твой дядя - пришел в себя после землетрясения?

Джейк:

- Он спит на пороге.

Альф:

- Это глупо.

Джейк:

- Зато он просыпается с газетой в руке.

Альф:

- Все просто, о, мой Вилли.. вчерашняя трагедия дала мне возможность поразмышлять. Линночек! Прекрасный весенний цветок, мозолька моя.

Линн:

- Я занята. Я должна подготовиться к зачету по истории.

Альф:

- История останется историей.. Линн, послушай моего совета, живи сейчас, здесь. А если я буду нужен тебе, я буду смотреть, как взрослеет
Брайен. И не забудь: я люблю тебя.

В гараже.

Брайен:

- Может быть, папу попросить переехать в Канзас?

Альф:

- Там торнадо.

Брайен:

- Гавайи?

- Вулканы.

- Аляска?

- Метели.

- Флорида?

- Скучно!!

Появляется Джейк.

Альф:

- Джейк, меньше, чем брат, больше, чем друг.

Джейк:

- Тебе не кажется, что ты пугаешь ребенка?

Альф:

- Я учу его радоваться жизни. Возможно, мы видимся с тобой предпоследний раз. Ты можешь утонуть в ванне, собака укусит или ударит током!! Эй, я люблю тебя!

В спальне Брайена.

Вилли (обнаруживает Брайена под кроватью):

- Брайен, что ты делаешь здесь?

Брайен:

- Я живу здесь. Это единственное надежное место в доме.

Появляется Альф.

Вилли:

- Альф, ты напугал Брайена.

Альф:

- Ах, он такой трусишка. Вылезай, Брайен.

Брайен:

- Не вылезу, никогда не вылезу.

Альф:

- Мы должны думать о радости, а не о горе.

Вилли:

- Брайен, не нужно пугать себя тем, чего не знаешь.

Брайен вылезает в шлеме.

Брайен:

- Пока буду так.

Устроим пикник как на Гавайях

В гостиной. Раздается звонок.

Вилли:

- Альф, где ты?

Альф:

- На кухне.

Вилли:

- Что тебе надо?

Альф:

- Догадайся. Пикник.

Вилли:

- Ошиблись номером. Тем не менее как бы вы отнеслись к пикнику а-ля Гавайи?

- Прекрасно. Мы обойдемся одним поросенком.

Альф:

- Двумя поросятами!

Позже.

Вилли (Альфу):

- Хочу поблагодарить тебя за сотрудничество в организации праздника.

Альф:

- Отлично. Что ты хочешь мне предложить?

Вилли:

- .. исчезновение.

Альф:

- Как говорила мать Тереза, "как аукнется - так и откликнется". Вот мои предложения -

1) я хочу возобновить подписку на "Сельский голос",

2) мне достаются все остатки, выброшенные на помойку. И этот вопрос обсуждению не подлежит.

Вилли:

- Тебе достаточно два часа на подножный корм?

Альф:

- Ты добрый, милый, честный человек. Ударим по рукам!

На следующий день. Все коллеги Вилли и Окмонеки собрались на вечеринку в гавайском стиле. Альф томится на втором этаже вместе с Брайеном.

Альф (глядя в окошко):

- О! От этого поросенка такой запах, что голова кругом.

Брайен:

- Мама предупредила, что сегодня у тебя может крыша поехать.

Альф:

- Ты только посмотри на этих стервятников, которые собрались на моего поросенка. Вот что бывает, когда приглашаешь госслужащих.

Внизу мистер Расмусен знакомит своего сына с Линн.

- Здравствуйте, мистер Расмусен.

- Мой сын Джулиус.

- А это моя дочь Линн.

Расмусен:

- Думаю, надо оставить детей наедине.

Линн (Джулиусу):

- Похоже, к вашей рубашке что-то прилипло.

Джулиус:

- Это парафин. Сегодня выдался отменный день.. рейсовый автобус попытался обогнать поезд. Не то, чтобы очень удачно.

Кейт (Рэксу):

- Рэкс, а не поздно заказать еще одного поросенка.

Рэкс:

- Поздно. Поросята на деревьях не растут.

Как Альф рассказывал анекдоты

В гараже.

Вилли:

- Альф, уже час ночи.

Альф:

- Дай я прочту одну из своих шуток. Когда я прочту ее, ты просто обмочишься. Каждый из присутствующих бывал в ресторанах фаст-фуд? худшие из них - на Мелмоке. Вы закажете что-нибудь хрустящее, а вам подадут котла с артритом!!

Позже. Альф засыпает. Ему кажется, что он выступает на церемонии награждения юмористов.

Ведущий:

- Теперь я хочу, чтобы вы тепло поприветствовали одного дебютанта. Он выступает под именем Гордон Альф Шамуэй.

Появляется Альф.

Альф:

- Итак, все присутствующие бывали в ресторанах фаст-фуд? худшие из них - на Мелмоке. Вы закажете что-нибудь хрустящее, а вам подадут кога с артритом!! Вы слышали о пожаре в Мелмоксской национальной библиотеке? Обе книги ее уничтожены. А ведь вторая даже не имела цветных иллюстраций! А всему виной - женщины. Возьмем мою подружку Ронду. Когда она злится, шерсть на спине у нее становится дыбом.

- Эй, Гордон, давай послушаем что-нибудь новое!

Альф:

- Что-нибудь новое?

- Что-нибудь, что ты еще не рассказывал!

Альф:

- Если вам не нравятся мои рассказы, просто скажите "Хватит".

- Хватит! Хватит! (в Альфа летят банановая кожура и помидоры).

Альф:

- Вот что я получил, отдав этому три дня моей жизни.

День святого Валентина в доме престарелых

В гостиной.

Альф:

- Я проведу день святого Валентина один без романтики, без любви, без двух тел за пределами рациональной мысли.. Извините, я вернулся. Никто не звонил. Пока меня не было? Ну пожалуйста, Вилли, оставайся здесь (разворачивает газету) О, мои руки.. посмотри на них! Они дрожат как у мальчишки. Луиз Бомонд - она переехала в наш район.

Вилли:

- Она была звездой второго плана в свое время.

Альф:

- Давай почудим, Вилли! Хватай свой "полароид". Я спрячусь, пока ты будешь просить ее спеть тему из "Шалуньи - синьоритты".

Вилли:

- Спокойной ночи, Альф. Мы принесем тебе то, что не доедим.

Альф:

- Вилли не понимает. У него есть женщина.

Несмотря на запрет, Альф отправляется в дом престарелых, где обитает Луиз Бомонд. На первом этаже его встречают другие обитатели этого дома.

- Смотрите!

Альф (в красной накидке):

- Я знаю, это смелая догадка, но это посольство Ватикана?

- Что это?

- Это говорящая собака.

Альф:

- Квадрат гипотенузы в прямоугольном треугольнике равен сумме квадратов катетов. Разве собаки так говорят?

- Это пришелец!

- Буэнос ночес, сеньор!

- Пожалуйста, не трогайте нас.

Альф:

- Парень в штанах, натянутых по уши, прав. Я пришелец! Люди преследовали меня. Я пришел, чтобы взглянуть на Луиз Бомонд (показывает на фотоаппарат) Я быстро ее щелкну!

Старички отводят Альфа на второй этаж, к двери мисс Бомонд.

- Мисс высокомерие, здесь пришла говорящая собака, которая хочет встретиться с вами.

Альф:

- Приветствую вас, мисс Бомонд.

Луиз:

- Не прищипывай дверь свою мохнатую задницу, когда будешь уходить отсюда..

Альф (посмотрев на градусник, который он держал наготове):

- 114 и 8.. превосходно!!

На первом этаже.

Альф (старичкам):

- Я думаю, что вы зря теряете свое драгоценное время. Давайте веселиться. Я поведу вас на крышу.

Альф и постояльцы дома престарелых отправляются на крышу.
На крыше.

Альф:

- Е! Ура. Нам удалось. Эй, потремся ладонями.

Ребекка:

- Правда великолепно! Там ваш корабль? Приготовиться к транспортировке!

Бен:

- Ребекка, это неоновые огни.

Ребекка:

- Альф, ты говорил, что покажешь нам свой дом.

Альф:

- Вот он. Мой дом, где я остановился на земле.

Появляется Луиз.

Луиз:

- Я подумала и решила, - мне тоже не помешает прогуляться. Альф, а откуда ты прилетел?

Альф:

- Видишь ту большую звезду на небе..

Луиз:

- Как это романтично. Ты скучаешь?

Альф:

- Каждый день.

Луиз:

- Как тебе удастся поддерживать свой дух вдали от дома?

Альф:

- Я обнаружил, что помогает, когда делаешь человеческую жизнь веселой.

Появляется Вилли.

Вилли:

- Альф!

Альф:

- Вилли, подходи.

Вилли:

- О чем ты думал? Не знал, что ты себя покажешь в таком виде.

Альф:

- А что? На мне свитер. Познакомься с моими друзьями: Ребеккой, Беном, Луиз.

И еще раз о кавалерах Линн

В гостиной.

Альф (читает состав детского питания для Эрика):

- Лимонная кислота, натриевая соль, яблочная кислота, серная кислота..

Кейт:

- Дай-ка я посмотрю!

Альф:

- Здорово я тебя разыграл! Знаешь, моя двоюродная сестра Фреда нашла крысиную голову. Хотя что удивительного - она нашла ее в супе для крысиных голов.

Появляется Линн.

Линн:

- Я выиграла билет в лотерею - уик-энд в горах на двоих.

Альф:

- Я поеду, но готовить не буду.

Линн:

- Я поеду с Робертом. Мне уже девятнадцать! В чем дело?

Кейт:

- Тебе не стоит уезжать с едва знакомым человеком.

Появляется Вилли.

Вилли:

- Что происходит? Альф что-нибудь натворил?

Альф:

- На этот раз ты ошибаешься. Я просто всех раздражал. Линн выиграла в лотерею, а приз - переспать с Робертом!

В кухне.

Альф:

- Да, наша маленькая девочка выросла. Кажется, еще вчера она надела лифчик..

Вилли:

- Уйди.

Альф:

- Я еще не закончил есть.

- Чашка уже пустая.

Альф:
- Зато холодильник полный. Вилли, когда придет время говорить на эту тему с Брайеном, я этим займусь.
Позже. В спальне Линн.
Альф:
- Я так полагаю, что поездка все-таки состоится.
Линн:
- Она и не отменялась. Но мою комнату ты все равно не получишь.
Альф:
- Когда ты уезжаешь?
Линн:
- Как только настанет утро.
Альф:
- Я через это уже прошел.
Линн:
- Твоей маме не нравилась Ронда?
Альф:
- У нее была репутация. Ее часто видели с мужчинами.
Через несколько дней.
В гостиной. Линн возвращается после уик-энда.
Линн:
- Привет!
Альф:
- Как только она вошла - БАМ-бам! - я сразу понял..
Кейт:
- Ну как ты съездила?
Альф:
- Да, каковы о щ у щ е н и я ?
Линн:
- Закаты были потрясающими. Мы говорили обо всем - о философии, музыке, книгах. И мы говорили о будущем - о том, как мы бы жили вместе.
Вилли:
- Об этом не может быть речи. Ты еще слишком молода.
Кейт:
- А на что бы вы стали жить?
Альф:
- У нее есть связь. Это должно что-то стоить.

Кейт (Линн):

- Мы считаем, что ты не готова продолжать отношения.

Линн:

- Так может, пора это выяснить (уходит, хлопнув дверью)?

Альф:

- Эй, ребята, не знаю, утешит ли это вас, но я вас никогда не оставлю.

На следующий день. В гостиной.

Альф (Кейт):

- Я в последнее время благодарил тебя за то, что из-за тебя дочь ушла из дома?

Появляется Линн.

Альф (Линн):

- Ты собираешься вернуться? Законы о защите жильцов очень строгие в этом штате.

Линн:

- Мама, я признаю, что не должна была так уходить.

Кейт:

- Я думала, что когда ты вырастешь, мы поговорим о наших надеждах, мечтах. Ты все еще моя малышка.

Продолжение следует.